

ГЛАВА 2

В нескольких метрах от дома, где он жил, Петр упал, на бегу споткнувшись о камень. В его голове была только одна мысль: «Я все равно встречу с тобой, мне надо тебя увидеть, Офелия». И картина мертвого тела на полу, которое было как будто не ее. Он сильно ударился, разодрал колено и локоть, от легкой саднящей боли пришел в себя.

Опять побежал.

Он искал ключ от квартиры в рюкзаке, но никак не мог найти, потом вспомнил, что переложил его в карман брюк.

Забежав в квартиру, не сняв ботинки, направился в кухню, большую часть которой он приспособил под лабораторию. Хомяки мирно жевали свой корм.

Он выдвинул ящик, где хранил разную лабораторную утварь: чашки Петри, пипетки, колбы, пробирки. Взял колбу и пару пробирок, открыл другой ящик, где были разбросаны вещества, с которыми он экспериментировал. У него был даже небольшой сухожаровой шкаф для дезинфекции. Но сейчас Петр очень спешил, поэтому просто помыл всю посудину под водопроводной водой. Открыл третий ящик, чтобы взять перчатки. Так как движения его были судорожно-быстрыми, на него полетели контейнеры с ватой и бинтами. Он выругался, поднял их и положил обратно. Надел перчатки, налил абсолютно прозрачную жидкость в одну из колб, добавил туда какой-то белый порошок, смешал.

Пока он это делал, подумал, что приготовил идеальное средство для самоубийства, но убивать себя не входило в его

планы. Правда, был шанс, что что-то может пойти не так, и он уйдет вслед за Офелией не просто поговорить, а насовсем. А вдруг там нет ничего? И все было зря? Но это его сейчас не пугало. Он был одержим идеей встретиться с ней, однако потом вернуться. Он не хотел умирать, но не боялся этого.

Петр начал фантазировать о том, что было бы, если бы он хотел убить себя. Мысли о самоубийстве посещали его и раньше, но это уже в прошлом.

Важно ли, чем человек себя убивает? Несет ли оружие убийства какой-то смысл? Если в жизни смысла нет, то должен же он быть хотя бы в смерти?

Петр был ответственным молодым человеком, поэтому подумал о том, что нужно написать предсмертную записку на всякий случай, если эксперимент будет неудачным. Для кого? Для мамы? Нет. Ему надоело перед ней все время оправдываться, хотя бы сейчас он хотел от нее освободиться. Для Андрея? Вряд ли его смерть сильно повлияет на друга, но, скорее всего, он немного расстроится. Так и не решив, для кого он пишет свои, возможно, последние слова, он все же взял ручку, клочок бумаги и вывел ровным почерком: «Я сделал это, чтобы не чувствовать себя жертвой. Жертва не может решить свою судьбу. Я смог».

Была ли смерть Офелии причиной его порыва поставить эксперимент на себе, перейти от хомяков к человеку? Скорее нет, но она стала той последней каплей, которая наполнила чашу бессмысленности бытия в том виде, в котором он его проживал.

Петр посмотрел на хомяков: они жили своей незатейливой жизнью: ели, спали, спаривались, крутили колесо. Вопрос выбора перед ними никогда не стоял. А человек вынужден выбирать даже оружие смерти. В квартире, когда он заселился, обнаружился старый военный револьвер. Одному богу известно, как он сюда попал. О револьвере он Офелии не сказал, просто положил его в шкаф, на самую дальнюю

полку, завалив тряпками. Петр достал его, посмотрел, он стреляет вообще? Задумался о том, подходит ли ему огнестрельное оружие в качестве орудия самоубийства. Даже если он сможет нажать на курок, что будет дальше? Его мозги разлетятся по всей комнате, и кто-то, кто придет сюда после, будет брезгливо смотреть на эту кашу из биоматериала, которую раньше он считал своим несомненным преимуществом перед той массой людей, которых в новостях называли глубинным народом.

А если веревка? Повешенные вызывали у него отвращение. Он их никогда лично не видел, но, когда думал об этом, вспоминал старые фильмы, где показывали, как фашисты вешают партизан. Он не хотел быть фашистом и вешать себя. Он вовсе ничего не хотел иметь общего с фашизмом.

Зачем он пошел на этот эксперимент? Он жил в городе-миллионнике, работал лаборантом, имел небольшие накопления, которые потом стали бы первоначальным взносом на ипотеку. И это было бы неплохо, но бессмысленно. Особенно теперь, когда мир разделился на черное и белое. И он остался где-то посередине. Даже не посередине — он завис в каком-то пространстве-времени, где нет ни имен, ни глаголов, только прилагательные.

Его образование не давало ему присоединиться к черному, но и к белому он присоединиться не мог, не чувствовал для этого достаточно сил и возможностей. Или он просто боялся. И страх стал преследовать его.

Чувствовать себя жертвой. Ведь не просто так он написал именно это. Петр знал, как это, но больше не хотел. Он чувствовал себя жертвой, когда узнал о том, что его Страна вторглась в Соседнюю Страну. Но он не принимал этого решения, он был жертвой, как и другие, кто проживал травму свидетеля. Через неделю после объявления спецоперации от него ушла девушка, потому что он «мямля» и четко не может выразить свою позицию в связи с тем, что мир разделился на черное и белое, и она, конечно же уходит

к тому, кто за белых. Он перестал спать, но не потому, что она ушла, а потому что его стало преследовать чувство, что он забыл что-то важное. Во сне он ловил эти воспоминания за хвост и, когда просыпался, ощущал, что видел именно то, что нужно, но в бодрствовании опять забывал. Потом он вообще перестал нормально спать.

Петр пошел к психотерапевту, тот поставил диагноз: «Да у вас депрессивное расстройство, молодой человек». Выписал ему седативные вещества, антидепрессантов и снотворное, вдогонку крикнув, чтобы тот не переживал, сейчас все стало хуже спать.

Таблетки помогали чувствовать себя спокойней. Но ощущение, что он забыл что-то важное, стало еще сильнее и противнее.

Таблетки! Он купил их очень много, на полгода, опасаясь, что они пропадут из аптеки. А потом произошел секс с Офелией, он по-настоящему влюбился в нее, и таблетки стали обузой. И он начал избавляться от ощущения жертвы и того, что он забыл что-то важное.

Если бы он хотел себя убить, можно было выпить несколько пачек сразу.

Взгляд Петра опять упал на хомяков, и он вспомнил, как вчера вводил им вещество, о котором рассказывал Офелии, и животные впадали в состояние, похожее на предсмертное. Некоторые потом выходили из него, а некоторые сдыхали. Пожалуй, сейчас настал хороший момент, чтобы попробовать его на человеке.

Петр рассчитал дозу. Набрал в шприц жидкости немного больше, чем нужно было по расчету, чтобы наверняка подействовало. Он смял и выкинул предсмертную записку в мусорное ведро. В ней тоже не было смысла. На какой-то момент ему стало уже все равно, выживет он или нет. Хорошее настроение для эксперимента.

Прощупал вену и медленно начал вводить вещество, надеясь, что это приведет его туда, где сейчас Офелия. Он

не может отпустить ее так — так нечестно. Надо поговорить.

Какое-то время ничего не происходило, и Петр подумывал уже о том, что неправильно рассчитал дозу. Он смотрел на часы, прошло уже три минуты. Секундная стрелка стала двигаться медленнее, задрожала, а потом остановилась.

Ему послышались какие-то голоса, вернее два голоса, оба мужских.

Он обернулся. Перед ним стояли два существа: одно в коричневом балахоне с капюшоном (представилось служителем Жизни), другое в виде мужика в черной кожаной одежде (представился уполномоченным посланцем Смерти).

— Ну и что мы с ним будем делать? — спросил мужик в кожанке.

— Опять подвис, завис, — со скукой в голосе констатировал человек в коричневом балахоне с капюшоном.

— Я не хочу его забирать. Он меня не уважает. Зачем мне такие?

— Мне он тоже не нужен. Я уже на него столько сил положил, и все без толку.

— Но мы же не можем оставить его так надолго. Это как-то не соответствует духу гуманизма, соглашение о котором мы подписали с Большими.

Фигуры какое-то время сидели неподвижно, застыв, как в немом кино. И тут человек в балахоне заметил клетки с хомяками.

— Кажется у меня есть идея, — сказал он и подмигнул кожаному.

А Петр почувствовал, как покидает свое тело, видит его как будто со стороны и становится невесомым. Чувство легкости сменилось каким-то странным ощущением затягивания в черную дыру. Он не сопротивлялся. И еще через мгновение понял, что смотрит на комнату глазами хомяка.

Он пробирался в темноте, ориентируясь в пространстве, как в норе, похожей на ту, что бесконечное количество вре-

мени он рыл в своей Клетке. Он искал. Инстинкт поиска был у него в крови.

Рыть нору, чтобы что-то найти, даже когда Клетка давит на тебя, даже если твой дом перевернулся, а другие говорят: «Хватит крутить это колесо, ты стоишь на месте». То, что для них было колесом, для него являлось смыслом жизни, бесконечной норой, тоннелем, дающим надежду вывести его куда-то в другое место. Куда? На этот вопрос он не мог ответить. Он верил, что там, за Клеткой, что-то есть. Но что? Ответа не было, ведь никто еще Оттуда не возвращался. Кроме одного, его учителя, который принял мученическую смерть ради спасения других, кто жил в Клетке. Они наблюдали за тем, как мучили их собрата, их учителя, вырезая острым ножом на его животе крест. Теперь знания, которые нес учитель, в Клетке называли CRIST как напоминание о том кресте. Сначала учение носило название CHRIST, но со временем вторая буква затерялась.

Для Больших, убийц, которые мучали их учителя, Сус был обычным, таким же, как и другие, сидящим в Клетке маленьким безобидным животным, рожденным для того, чтобы использовать его в опытах. Для этого его, как и других, кормили, поили — в общем, позволяли жить своей жизнью до поры до времени.

После того случая с Сусом других долго не трогали.

А вчера наступил день X. Петя, так звали нашего героя, убежал. Большую часть братьев из Клетки забрали большие руки: некоторых посадили в стеклянные банки, других на глазах у общины убили, разрезав им животы двумя линиями: вертикальной и горизонтальной.

Его уговорили сбежать. И он согласился.

Он долго не мог решиться бросить тех, кто остался, но соратники приводили весомые аргументы. «Если тебя убьют, то кто будет нести другим учение нашего Суса? Ты должен идти к другим и рассказать о той огромной любви, которую Он принес всем живым существам и за которую Он умер».

Мысли о Нем помогали забивать чувство голода, которое накатывало волнами и мешало ясно ориентироваться в пространстве. Поиск становился сложнее и невыносимее.

И тут он услышал знакомый голос, который окликнул его по имени:

— Петя!

Этот голос он бы не спутал ни с чьим. Он не удивился: тогда, когда Большие, мучая, убили Его, на третьи сутки Сус явился некоторым из Клетки. Так почему бы ему не появиться сейчас, в тот момент, когда его любимому ученику сложнее всего найти выход? Или это его разум мутнеет от невыносимого чувства голода?

— Сусе! Камо грядеши? — спросил Петя.

Сус спокойно ответил:

— Большие убили много моего народа, а ты его оставил, убежал.

— Но я сделал это для того, чтобы нести Твое слово дальше, другим, чтобы больше живых существ узнали о Тебе и о том, что миром правит любовь.

— Ты оставил мой народ, и я возвращаюсь в Клетку, чтобы Большие еще раз вспороли мне живот.

Петя посмотрел на Суса. Сус выглядел, как живой.

Они оба были хомяками. Сус отличался особой раскраской: шерстка у него была золотистого цвета — это большая редкость для хомяка. Но и Петя имел некоторые особенности: на его животе красовалось маленькое черное пятнышко в виде рыбы. Он стал на две лапки, еще раз посмотрел на свой отличительный знак на животе и почувствовал, как его охватила любовь к другим хомякам, тем, которые остались в Клетке, и тем, которые рождаются там. На столе, на котором Большие руки проводили опыты, он увидел картину — Большие называли такие журналами. На ней отчетливо светилось слов «CRIST». Правда, последняя буква была видна плохо, но в целом слово угадывалось. Петя подумал, что это знак и сказал:

— Я пойду с тобой, Сусе!

Поиск закончился, он вернулся в Клетку. А Сус исчез.

На следующий день клетку перевезли в другую квартиру, и хомяков кормили теперь другие Большие Руки. Перед тем, как их забрать, Большие Руки со стола на полку переложили журнал, на котором красочными буквами было написано «CRISPR».

CRISPR. Это означало «короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами». По-английски так — clustered regularly interspaced short palindromic repeats.

Инструмент редактирования генома.

И хомяк так и не узнал, что неправильно прочел надпись на обложке журнала.

А потом Петр увидел себя в автобусе №3, в том самом, в котором он сегодня ехал с работы домой. Хомяк в автобусе. Его как будто никто не замечал. Автобус был переполнен, Петя быстро перебирал своими маленькими лапками, бегая по салону. Немного посидел у ног девушки, которая что-то читала в телефоне, отложил два кругляшка рядом с ножкой кресла, на котором сидела женщина, рассказывающая про Икею и то, что ее уволили, пробежался по ботинкам рабочих со стройки с азиатской наружностью, пытаясь привлечь к себе хоть чье-то внимание. Но его по-прежнему никто не замечал. Только маленькая собака на руках старика истошно лаяла в его сторону. Хозяин ее успокаивал: «Ты что? Хватит лаять, ишь, заладила».

Постепенно салон автобуса начали заполнять полупрозрачные людские силуэты, похожие на привидения. Такие же привидения заметил хомяк Петя на остановках, мимо которых проезжал автобус. Некоторые из них выходили из автобуса, некоторые заходили, некоторые оставались ждать другой номер, Тройка была не их маршрутом.

Живые люди их не замечали.

Автобус вошел в тоннель.

Хомяк разделился на две части. Часть, которая осознавала себя как Петр, летела сквозь тоннель снаружи автобуса, а тело хомяка бездыханным лежало в клетке. Автобус затормозил. Петр ничего не видел, его ослепил яркий свет, который исчез также внезапно, как и появился. Он оказался на зеленом лугу, трава которого своей сочностью, яркостью и безупречной идеальностью напоминала картинку старой заставки Windows.

На лугу разные люди, некоторых из них он узнает: вот их соседка по подъезду, его одноклассник, первая учительница. Все они уже умерли. Среди этих людей Петр заметил своего дедушку, который возился с Москвичом, любимой машиной, с которой он по выходным пропадал в гараже, когда был жив.

Дедушка тоже его заметил и подошел, чтобы обнять:

— О, Петя, внучок!

В последнее время Петр совсем забыл про дедушку, но сейчас тоска резко нахлынула на него и он почувствовал, как сильно скучал. Вместе они подошли к старой машине, обошли ее со всех сторон. Петр вспоминал, сколько детских радостей было связано с этим корытом.

Дедушка смотря с любовью на внука, спросил:

— Как ты сюда попал? Тебе еще рано.

— Я умер, — ответил Петр ровно, сам удивляясь такому тону.

— Не похоже. Ты выглядишь, как турист. На тебе нет главной отметки.

— Какой? — поинтересовался Петр.

— Отметки смерти. У тебя поле другое, живое, как у туристов, которые сюда иногда заходят, кто по своей воле, а кто и нет. Мертвым с живыми долго разговаривать нельзя, это у нас не приветствуется. Поэтому прощай, до следующего раза, когда уже придешь сюда насовсем. Передай привет маме. А бабке не надо, скоро сама сюда приковыляет.

Образ дедушки исчез вместе с его Москвичом. А к Петру подошел человек в коричневом балахоне с капюшоном. Лица его не было видно. Он жестом поприветствовал молодого человека, приглашая пройти с ним. Их контакт был беззвучен, Петр как будто знал, что он за этим и пришел сюда. И ему нужен этот, в капюшоне.

Они молча шли по тропинке и приблизились к зданию, похожему на Городскую университетскую библиотеку, в которой Петр проводил много времени, когда учился. Здание было не вычурно, но богато украшено лепниной, ложными колоннами и другими так называемыми «архитектурными излишествами». По основной композиционной оси особняка располагались парадный вестибюль, центральный атриумный зал со световым фонарем, стеклянным потолком и зал с эркером, окна которого выходили на открытую террасу. К ним примыкали боковые помещения и комнаты, связывающие с атриумным залом два коридора. Большую часть территории вокруг здания занимал сад с большим фонтаном и бетонным бассейном сложной конфигурации. В саду были разбиты цветочные и ковровые клумбы. Вдоль дорожек стояло несколько скамеек с сиденьями и спинками из брусьев чугунного литья.

— Это библиотека? — спросил Петр у человека в капюшоне.

— Можно и так сказать, — ответил тот.

— А почему она так похожа на нашу университетскую?

— Так сконструировал твой приемник, твой мозг. Некоторым больше гарвардская нравится, а некоторым вообще вилла с бассейном и лежаками. Войдем? — они стояли перед массивной деревянной дверью.

— Видимо за этим я и здесь. Войдем. — Петр по-прежнему ничего не понимал.

Они шли по длинному коридору мимо открытых просторных комнат, похожих на читальные залы, из которых раздавались характерные звуки: шелест переворачиваю-

щихся страниц, шепот чтения, легкий гул вентиляторов компьютеров. Петра тянуло зайти хоть в какую-то из них, он очень любил атмосферу библиотеки.

— Не переживай, скоро дойдем до нашей залы, — как будто прочитал его мысли человек в капюшоне.

Уже через несколько секунд Петр со своим спутником оказались в небольшой комнате, самой маленькой из всех, которые встречались по пути. Комната была уставлена книжными полками от пола до потолка. Также тут стояло два письменных стола, на каждом из которых, помимо компьютеров, располагались разные гаджеты: шлем дополненной реальности, смартфон, планшет, наушники. Еще хаотично валялась бумага для записей и разноцветные ручки.

Петр подошел к одному из столов, сел на стул. Увидел, что на столе лежат три картриджа с надписями, прочитал вслух:

— Земля. Страна. Город. Земное время — 20?? год н. э. Что это?

— А это картридж, на котором записаны основные вехи твоей жизни. Он сейчас находится в обработке. Пришлось кое-что поменять.

— А на остальных двух что?

— Там земные события из прошлого планеты, связанные с твоей жизнью.

Петр читает:

— Земля. Шумер. Урук. Земное время — 2450 лет до н. э. Земля. Шумер. Кузалла. Земное время — 2425 лет до н. э. Как со мной могут быть связаны события, произошедшие более 4-х тысяч лет назад?

— Всему свое время, все узнаешь, не торопись. Но вообще наивно полагать, что время проходит и ничего от него не остается. Все со всеми связаны, и все со всем связано. Некоторые связи наиболее плотные. Прошлые события резонируют с будущими на основе вот таких уплотнений в связях. Некоторые наиболее плотные связи, которые влия-

ют на многих, держатся по вашим земным меркам очень долго, несколько тысяч лет. Бывает и дольше. До сих пор с темой выхода человечества из Африки разбираемся.

Петр почувствовал, что в комнате есть еще кто-то, огляделся. В углу заметил фигуру в балахоне, но с капюшоном серого цвета, лица его также не было видно. Она как будто появилась из ниоткуда, Петр готов был поклясться, что когда он сюда зашел, ее не было. Он хотел спросить, кто это, но потом подумал, что не знает, кем является и его провожатый в коричневом капюшоне и даже не представляет, зачем он тут, и надо бы начать сначала спросить об этом.

— Зачем я здесь? И кто ты? Кто этот человек, который сидит в углу? — спросил он.

— Я все тебе расскажу, не переживай, — успокаивал его спутник. — Но для начала предлагаю тебе освоиться в этом пространстве. — подает ему шлем дополненной реальности. — Вот, надень.

Окружающая картинка резко меняется. Петр видит себя маленьким, как бы со стороны. Маленький Петя едет на детском велосипеде по асфальту, местами потрескавшемуся. Его волосы развеваются, он визжит от восторга. Колесо велосипеда попадает в трещину на асфальте, начинает вилить — мальчик падает. К нему подбегает молодая мама, его мама, о боже, как она изменилась! Помогает подняться.

Картинка плывет, как воздух в жаркое лето, размывается, перестраиваясь в другую. Петр видит себя 10-ти летней давности. Он сидит с девушкой (О, Ира, его первая любовь!) на лавочке возле могильной плиты. Они целуются, страстность поцелуев нарастает, девушка отклоняется и игриво указывает взглядом на заросли возле лавочки. Юный Петр скидывает рубашку, кладет ее на могильную плиту в качестве подстилки, жестом показывает девушке, что пора бы и посерьезней дела делать. Девушка увлекает его в свои объятия. Он навис над ней, целуя в шею, в то время как она расстегивает его брюки. И тут раздается как будто из гром-

коговорителя: «Заниматься сексом, тем более первым, на кладбище — не самая хорошая идея, так можно „подцепить“ кое-каких непрощенных гостей из тонких миров».

Картинка опять меняется. Петр видит квартиру с явно «уставшим» ремонтом: обои в цветочек, во многих местах ободранные, старый линолеум, потерявший свой первоначальный вид. Петр быстро ходит по комнате, закидывает вещи в раскрытую дорожную сумку и чемодан на полу, параллельно переругивается с мамой. Мама явно недовольна происходящим. Эту картину Петр хорошо помнит, дело происходило всего полгода назад, когда Петр переезжал в съемную квартиру. Перед этим он каждую неделю в течение трех месяцев ходил к психотерапевту, где анализировал себя, свои отношения с мамой и детство. В процессе психоанализа он понял, что не сможет больше жить с мамой, об этом терапевт рассказывал ему уже несколько сессий.

— Вот зачем тебе это? Тебе тут что ли места мало? Я в одной комнате, бабушка в другой, у тебя своя! Зачем тебе тратить деньги на съемную квартиру? А кормить тебя кто будет? — переходит уже на крик, пытаюсь выхватить чемодан из рук Петра.

— Ма, мне 26 лет. Я смогу о себе позаботиться. Я не хочу жить с вами. Блин, ты душишь меня! Мне тесно, я без твоего контроля шагу ступить не могу. Я даже не могу понять, кто я и чего хочу от жизни за твоими: «Петя, надень шарфик и не забудь, что тебе надо кушать больше белков». Кушать! Какое идиотское слово! Есть! Надо говорить «есть», мама. — Петр очень зол на то, что она перевернула его чемодан, и теперь придется заново складывать вещи.

Мама качает головой, заламывает руки, пытаюсь остановить сына, закрывает собою дверь — видимо, она забыла, что он сильнее и спокойно может ее оттолкнуть. Петр отталкивает ее от двери, бросает чемоданы через порог и выходит. А мама кричит ему:

— Ты больше мне не сын! Применять силу к своей матери — это уже чересчур! Ты такая же бездушная тварь, как и твой отец!

— Ты еще скажи про осинки и апельсинки, или про свиных и бобра, — бурчит он, спускаясь по лестнице.

Она всегда сравнивала его с отцом, когда нужно было сделать акцент, на том, какое Петр говно. Но кто он и подробности из его жизни, рассказывать не хотела.

— А есть фильмы поинтереснее, чем истории из моей жизни? — снимая шлем виртуальной реальности, спросил Петр.

— А о чем бы ты хотел узнать? О смысле жизни, который ты потерял? А был ли он? Или о роли мамы в твоей судьбе? — с вызовом вопросом на вопрос отвечает человек в коричневом капюшоне и указывает на экраны, которые вдруг появляются позади молодого человека. — Ты еще можешь узнать о социальной обстановке в Стране, о расколе в обществе, который сейчас происходит в твоём пространстве, о том, стоит ли валить из Страны и куда. Про валить, вижу, особенно интересно. Ну скажем, так, свалить-то можно, главное, понимать зачем. А если хочешь убежать от себя, то это плохая идея, ты уже несколько жизней убегаешь, но результат плачевный: все повторяется снова и снова. Да, и я знаю о твоём недавнем споре с подругой Офелии по поводу прекрасного мира. Ты же не искренен был, то ли из духа противоречия, то ли из страха.

В это время на разных экранах мелькает калейдоскоп репортажей федеральных каналов: военные действия, реклама прокладок.

— А тут что, только провластные каналы вещают, судя по картинке? — пытается пошутить Петр.

— А тебе диссидентов подавай? Что тебя окружает, то и показывают.

В голове Петра проносятся воспоминания из последних сводок новостей. Ведущий вещает о боевых педерастах,

и том, как кому-то там командир Соседней Страны «вжарил под хвост». Петр с удивлением обнаруживает, что на экранах появляется именно эта картинка.

— Ты что читаешь мои мысли и транслируешь на экран?

— Не я, комната.

Петр начал оправдываться:

— Я вообще-то против меньшинств ничего не имею, просто вспомнил последние новости, которые я случайно застал у Офелии, когда к ней пришел и обнаружил ее мертвой. — он отметил про себя, что почему-то не хочет обсуждать это с человеком в капюшоне.

На экранах появилось изображение убитой Офелии.

— Убери это, — почти закричал Петр.

— Ну ладно, — человек в коричневом капюшоне щелкнул пальцами, и все экраны погасли. — Но ты же за этим сюда пришел? Пообщаться с Офелией? Этого я тебе сейчас предоставить не могу. Не от меня зависит. Но пока ты здесь, у нас есть что с тобой обсудить.

Петр чувствовал, как закипает. Последней каплей стала картина на экране. Человек в коричневом капюшоне, обратил внимание на эмоции своего собеседника:

— А чего ты злишься? Скорбь, грусть — это понятно. А злость тут как-то не к месту. Ты злишься на нее, что она тебя оставила? Это было ее решение.

— Она сама себя убила?

— Я сказал, что это было ее решение.

— Я не верю. Она не могла себя убить, у нас все только начиналось.

— А ты что думаешь, жизнь Офелии крутилась вокруг тебя? Пришел такой рыцарь, вытащил барышню из башни, только дракона убить забыл, — человек в коричневом капюшоне усмехнулся. — Сколько тысяч лет пытаюсь этот эгоцентризм из тебя выбить, а он все сидит. Ну тут и гены в этом воплощении работки добавили. Уроки души, уроки души! Что они по сравнению с наследственной переда-

чей! — вещал человек в капюшоне, картинно размахивая руками.

И, перестав интенсивно жестикулировать, продолжил:

— Обычно люди, когда попадают сюда, спрашивают, ну там, что я здесь делаю, где я и все такое. Тебе не интересно? Ох уж мне эти люди Рыбы, все у них не так, как у людей!

— Хорошо. — успокоившись, согласился Петр. — Давай начнем с того, где я?

— Это пространство между жизнями, ПМЖ, хотя — хмыкнул он, — хотя лучше бы это называлось ВМЖ.

Экраны в комнате снова включились, а потолок преобразовался в купол со звездным небом, как в обсерватории. Создав атмосферу, человек в капюшоне продолжил свой рассказ.

— Что на самом деле тебе сейчас важно знать, так это то, что твоя сущность на данный момент находится в некоей точке сборки, когда она может поменять свой духовный путь. В этой точке сборки соединяются три твои жизни, объединенные одной идеей: выбором, на какой ты стороне, светлой или темной. Светлое и темное — это не оценка, это не есть хорошо или плохо, это про качество энергии движка, на котором едет душа, и, соответственно, ее земные воплощения. Ты висишь между темным и светлым уже несколько тысяч лет. Все началось в Шумере. Я принял решение, что надо как-то тебя подтолкнуть, поскольку от этого зависит не только твое бытие, но и бытие других людей. Да и на Земле сейчас настало время сдвига энергий. Надо выбирать, мой друг. Скоро начнутся очень странные, на первый взгляд, события в твоей текущей жизни. Сюда ты прибыл для перезагрузки. Энергия твоей сущности начала затухать, а мы себе это никак не можем позволить.

Когда человек в капюшоне все это рассказывал, Петр ощущал, что он как будто наполняется чем-то новым, его начало подташнивать, в теле появляется тяжесть.

— Что происходит?

Он никогда не чувствовал ничего подобного: его закручивало, казалось, что куски плоти отрывались друг от друга, увеличивались, меняя свой физический состав. Петр как под микроскопом видел клетки своего тела, заполняющие пространство вокруг. И потом — взрыв!

— Неприятно, — констатировал человек в капюшоне, — хорошо, что твое тело в коме. Потерпи, скоро все закончится.

И, обращаясь к человеку в сером балахоне, по-прежнему сидевшему в углу и наблюдающему за происходящим:

— Шаманская ломка. Ты же тоже это проходил.

Сзади, слева и справа от Петра появились два пламени: желто-красное и черно-белое. Через мгновение они бросаются друг к другу, смешиваются, превращаясь в пылающее всей цветовой палитрой изображение рыбы.

Петр постепенно приходит в себя. Смотрит на свои руки, пытается встать со стула.

— Что это было? — спросил он слабым голосом.

— Ты что-нибудь слышал о шаманской болезни? — вместо ответа задал вопрос человек в коричневом капюшоне.

— Нет, я ученый.

— Так вот, дорогой ученый, сейчас твое тело находится в коме, а твой дух проходит инициацию. Тебе же поставили там на земле твои ученые диагноз «депрессия». А в детстве маму пугали тем, что когда ты вырастешь, есть высокий шанс проявление биполярного расстройства. Так? Ты об этом никому не рассказывал, стыдился. Так вот, никакое это не биполярное расстройство и уж тем более никакая не депрессия. Это шаманский дар, передающийся по наследству. А сейчас полным ходом идет шаманская ломка.

С детства Петр замечал за собой разные странности, которые казались ему, когда он вырос, признаками какого-то психического расстройства. Анализируя свое состояние, он заметил три стадии его жизненной линейки. Он назвал их

«безудержный трэш», «жизнь-говно» и «все-равно-никак». Это было похоже на три стадии биполярки: мания, депрессия и какая-никакая ремиссия. Состояние «все-равно-никак» превалировало, оно могло длиться неделями, иногда месяцами. Какой-то периодичности в смене этих трех составляющих его бытия он не наблюдал, хотя все время пытался поймать закономерность. Он даже на биофак пошел и стал изучать генетику, чтобы понять это уравнение своей жизни. Иногда казалось, что он вот-вот и найдет ответ, но какая-нибудь последняя цифра выходила из красивой системы уродливой несостыковкой. И теория рушилась.

«Все-равно-никак» было похоже на состояние куколки. Тебя ничего не волнует. Ты сидишь в своем коконе в виде желе и просто живешь. Даже перемен никаких не ждешь, ты просто кисель, природный физиологический кисель. И не важно, что у тебя есть руки-ноги, знакомые, работа. Ты кисель. И тебя ничто и никто не волнует. Он встречался с девушками, занимался с ними любовью, ел, спал, работал, ездил в автобусе, звонил маме. Но внутри происходило загустение природного субстрата. Иногда он шевелил брюшком, дышал, испарял пустые, никому не нужные слова и мысли. В такие моменты он получал необходимую для внутренних изменений энергию от мира. Это «все-равно-никак» было монотонно-длинным трамплином от «жизнь говно» к этапу «невероятный трэш».

Когда наступал «невероятный трэш», он придумывал что-то интересное, делал открытия, плохо ел, мало спал и даже забывал помыться. Бедные люди в автобусе, стоящие рядом! Но в последнее время период трэша становился все короче. Когда Страна объявила свою спецоперацию в Соседней Стране, настал период «жизнь говно», который никак не заканчивался. Тело тоскливо ломило, как будто его всего изнутри побили. Били долго, нещадно и заковыристо изошренно, так, чтобы ни одного живого места не осталось. В голове гудело, движения становились уныло заторможенными.

Заметно ли было это внешне, Петр не знал и в последнее время стал догадываться, что люди его «жизнь-говно», а, по мнению психиатра, депрессию, воспринимали неправильно. Его все время спрашивали: «А что ты такой унылый»? Действительно, «а что случилось?». Фраза, которая приобрела после начала спецоперации особый смысл и стала мемом. Продавщицы в магазине быстро пробивали товар, в два раза быстрее обычного, отсчитывали сдачу и даже как будто забывали на прощание дежурно улыбнуться. Его это злило. После злости накатывала тоска, накатывала волнами, будто искала берег, но не находила его, разбиваясь о бесполезность происходящего. Петр постоянно задавал себе вопросы о том, зачем все это, для чего мы живем, что будет с нами, ведь мы все равно все умрем, а там ничего нет.

Он, в отличие от своего окружения, не боялся атомной войны. Что-то еле уловимое, с ячменное зернышко в центре его тела, всегда знало, что эти вопросы он задавал себе тысячу раз и тысячу раз получал ответы, всегда разные, не удовлетворяющие его в тех жизнях, в которых эти вопросы приходили.

В самые острые моменты тоски, особенно если приходилось общаться с большим количеством людей, его выворачивало наизнанку, тошнило. И если он не успевал добежать до унитаза, тошнило прямо туда, где застало. Поэтому он всегда носил с собой сменную футболку — неизвестно когда и где накроет.

Секса вообще не хотелось, как будто он существовал на отдельной планете, планете, где люди были другие, с восемью руками и огромного роста. Пока не появилась Офелия, ее он хотел всегда и везде. Но до встречи с ней, в период, когда его особо накрывало, сексом он почти не занимался, спал мало, забываясь уже под утро, истерзанный сбивчивыми, солеными мыслями.

Самое отвратительное, что никому об этом нельзя было рассказать. Не то, чтобы его состояние было уникальным,

просто тот флер говна, окутывающий его с ног до головы, окукливающий без спроса и непонятно когда собиравшийся закончиться, передать словами невозможно. Да и стыдно было вывалить свое душевное уродство перед другими.

— Все это с тобой происходило, так как ты потомственный шаман, который должен принять свой дар, — как-то даже обыденно сказал человек в коричневом капюшоне, поглядывая на того, кто сидел в углу. — Твой дед был шаманом и отец тоже — это гены. Тебе никто этого не рассказывал, но шаманской болезни все равно, знаешь ты о своем даре или нет, она в любом случае тебя настигнет. Поэтому ты здесь.

— Я сам создал всю эту картинку и тебя тоже. И все это — игры разума, — закричал Петр, пытаясь встать со стула.

Но когда он встал и попытался сделать шаг вперед, то не смог идти дальше: пол превратился в желеобразную конструкцию, в которую человек как будто врос, и которая, нарушая все законы физики вытягивалась вслед за попыткой поднять ногу.

— Боюсь, ты не сможешь уйти раньше, чем мы закончим этот разговор, — прокомментировал человек в коричневом капюшоне.

Петр негодовал:

— Да кто ты вообще такой?

Человек в коричневом капюшоне невозмутимо:

— Сядешь?

Петра с силой бросило в кресло. А человек в коричневом капюшоне продолжал:

— Я тот, кого вы во многих культурах называете ангелом-хранителем, служитель Жизни, курирую людей. Ты спросишь, почему я предстал тебе в виде человека? Чтобы тебе легче было воспринимать все, что здесь происходит, и твой мозг не тратил лишние калории на восприятие новой информации.

— Если ты мой ангел хранитель, почему я раньше тебя не видел? — не унимался Петр. — Ты же должен был меня охранять, направлять и все такое.

— Глазами не видел, но ощущал. Ты же знаешь, глаза врут, а кожа нет. А? Помнишь, как ты однажды в детстве до вечера играл с другими детьми, потом все ушли, а ты остался один и плакал, так как не помнил, как дойти домой?

— Да. Но потом ко мне подошла кошка, черная с белым воротничком, я гладил ее. Она начала убегать, я побежал за ней, и она вывела меня к дому, — эти воспоминания заставили Петра улыбнуться.

Черная кошка с белым воротничком внезапно появляется на коленях Петра. Он инстинктивно отпихивает ее на пол. Недовольно мяукнув, кошка убегает.

— Это был ты? Ты умеешь превращаться в котов? Тупой вопрос, да?

— Нет. Мне нет надобности превращаться в котов, но я могу создать виртуального кота. От настоящего не отличить. С тобой всегда было много мороки, и, надо сказать, не только в этой жизни.

— Почему сейчас? Почему я попал сюда?

— Эээ, ну, чувак, ты же вколол себе большую дозу средства, которое вызывает околосмертное состояние. Все закономерно. Понятно, что я подтолкнул тебя к этому, создав усиленный эмоциональный фон, но в целом уже пора было что-то делать с твоим шаманским даром.

— А Офелия как-то с этим связана?

— Ну, конечно, а ты как думал? Ты вообще слушаешь меня? Я ж тебе уже сказал, сейчас ты попал в точку сборки своих жизней. Когда вы, люди, проживаете определенные события, вы не просто их живете. От них идет разный информационный фон. И если в нескольких параллелях этот фон одинаково вибрирует, то это меняет пространственно-временное устройство. Сейчас главная особенность твоего проживания состоит в том, что ты чувствуешь себя

не на своем месте. А где оно, твое? Точка сборки переместилась. И мы тебя сейчас перестроили. Теперь все пойдет несколько иначе, чем было задумано изначально. Ну, в конце концов, есть же место во Вселенной для экспериментов. Один уже пробовал так сделать, по вашим земным меркам 2 тысячи лет назад, и кое-что у него получилось. Правда, немного не так, как мы планировали, допустили мы ряд ошибок, да.

Петр посмотрел на него удивленно.

— Да ты не думай, мы на тебя не собираемся столько навалить, сколько на него, да и эксперимент будет не такой жесткий. Но все же то, что ты человек рыбы, это к чему-то обязывает и дает определенные надежды на успех.

— Что значит человек рыбы? — поинтересовался Петр.

— У каждой души есть движок, определенная суть, с которой она приходит на Землю. Рыба — это обозначение определенного типа энергии. Все началось в Шумере, да. Они это рыбой обозвали, нам понравилось. Есть еще энергия агнца, собаки и пр. Некоторые из рыб — мои подопечные.

— Ты сказал, что все началось в Шумере. Но я знаю, что рыбы символ христианства, а это было гораздо позже.

— Христиане просто популяризировали этот символ, потому что Иисус был человеком рыбы. А вообще все началось в Шумере.

В его руках из ниоткуда появилась толстая книга с изображением рыбы на обложке, он раскрыл ее и начал читать:

— В древних шумерских мифах мудрость и источник знаний ассоциируются с водами и тем существом, которое в образе Рыбы с человеческой головой дало людям знания. Вот как доносит до нас это событие жрец бога Энки Элайя (кстати, с Элайей тебе еще предстоит познакомиться). Так вот, он писал: «Однажды из моря явился зверь, одаренный разумом. Все тело у зверя того было рыбье, только под рыбьей головой у него была другая, человеческая, речь его так-

же была человеческая. Это существо, бывало, проводило весь день среди людей, не принимая никакой пищи, преподавая им понятия о грамотности, науках и всяких искусствах. Оно научило людей строить города и возводить храмы, вводить законы и мерить землю, показало им, как сеять зерно и собирать хлеб — словом, научило их всему, что смягчает нравы, так что с тех пор никто ничего превосходного уже не изобрел. А когда солнце заходило, это удивительное существо погружалось опять в море и проводило ночи в пучине, ибо там был его дом. Оно написало книгу о начале мира и о том, как оно возникло, и вручило ее людям». А в вавилонской поэме о потопе есть такие строки: «Иштар кричит, как в муках родов, Госпожа богов, чей прекрасен голос: Прежние дни обратились в глину, ибо в совете богов я решила злое. Зачем в совете богов решила я злое, на гибель людей моих я войну решила? Для того ли рожаю я человеков, чтобы, как рыбий народ, наполнили море!»

— Ну пожалуй, хватит сегодня с тебя уроков мифологии. Убедил я тебя? Твой мозг ученого не будет больше сопротивляться?

— Я так понимаю, что мое тело сейчас в коме, и когда я выйду из него?

— По земным меркам через пару дней.

— А что мне дальше со всем этим делать? Что я вообще должен делать?

— Я тебе тоже этого не скажу. Не знаю.

— Ты не знаешь? Но ты же сказал, что знаешь многое. Прошрое, настоящее, будущее — разве ты не можешь видеть его?

— Не в этом дело. Видишь ли, мой непокорный друг, Большие дали вам, людям, свободу воли, иначе вся эта затея на Земле была бы бессмысленна. Поэтому, кроме тебя, на вопрос, что ты со всей информацией этой будешь делать дальше, никто не ответит. Кстати, насчет времени. Не знаю, поможет ли тебе это как-то, но в общем-то нет ни

прошлого, ни будущего, есть разные варианты судеб, которые происходят в разных пространствах. Меня настоящее, ты меняешь не только будущее, но и то, что у людей принято называть прошлым. Только ты сам можешь принять решение. Ты привык, что тобою манипулируют. Но у тебя есть свобода выбора и в этой жизни, и в других. Ты выбрал эту жизнь, чтобы поверить в то, что ты многое можешь. Давай-ка я лучше помогу тебе вспомнить основные вехи твоей жизни, чтобы ты смог сам все это пересобрать.

Петр напрягся. Он чувствовал сейчас себя полным куском дерьма, который плывет туда, куда его пнут. И самое мерзкое заключалось в том, что он всегда в глубине души верил, что рожден для чего-то более великого. Но ведь наверняка все думают, что они индивидуальности, для многого рождены, на многое способны.

Большую часть людей Петр считал биомассой. Но уже многие годы и себя тоже. И это злило его. Все его действия в последнее время были направлены на то, чтобы убить того внутреннего червя, который расковыривал его, жрал, заставляя искать в себе что-то особенное. Он размышлял о том, как мама капля за каплей выдавливала из него то, что в детстве позволяло чувствовать себя особенным и что интересно, восхищало его.

Он вспомнил, как, когда ему было лет семь, он подобрал на улице котенка, у которого была поранена лапа, принес домой, завернул в мамин платок. Потом гладил больную лапу и нашептывал какое-то придуманное им же самим заклинание. Не важно, что он в тот момент говорил, важно, что он чувствовал, будто мог передать эту энергию исцеления, сформировавшуюся внутри него, коту, и что так лапа действительно вылечится. Пришла мама, забрала кота, отнесла его в ветеринарную клинику, а потом кому-то подарила. Она ругала сына, очередной раз повторив что-то про отца и про то, что «хватит этой хренью заниматься. Заговory он какие-то придумывает, идиот мелкий».

Он вспомнил еще один случай. Когда ему было 14, он купил в эзотерическом магазине карты «Таро», рассматривал их с интересом, пытаясь понять символику на картинках и то, как же через них можно предсказывать будущее. Когда мама увидела карты, долго кричала, повторяя, что надо выбить эту отцовскую шаманшину, а потом выкинула карты на помойку. В наказание лишила игры в приставку на три дня. Она тогда его не приставки лишила, а веры, что есть что-то интересное, загадочное, символическое.

— Пришло время взломать эту скорлупу, этот кокон, который твоя мать создала вокруг тебя, пора уже проснуться для настоящей жизни, — подытожил человек в коричневом капюшоне.

Он энергичным движением встал из своего кресла и принялся ходить по комнате. На экранах появилась линия, символизирующая течение времени. Через мгновение она сжимается, сворачиваясь в клубок.

Человек в коричневом капюшоне, с улыбкой смотря на Петра:

— Перемены уже начались. Смерть Офелии не единственное, что встряхнет тебя. Но чем больше ты будешь сопротивляться, тем больше будет встряхивать, чтобы ты принял какие-то решения и изменил свою жизнь. Это тебе сложно давалось и в других воплощениях.

Он некоторое время молчит, пьет кофе из внезапно появившейся пиалы, а потом продолжает:

— Я так до конца и не пойму по твоим вибрациям, готов ты выйти на новый уровень или нет. Слушай, если ты хочешь вернуться к своей прежней жизни, это тоже можно сделать. Офелию, конечно, не вернешь. Но ты сможешь при желании об этом постепенно забыть и вернуться ко всем рыбьим вопросам в следующей жизни. Новый виток будет тогда позже. У нас много времени, бесконечно много. И у тебя есть свобода выбора, помни об этом.

Во время разговора Петр иногда посматривал на человека в сером капюшоне, который все время сидел на расстоянии нескольких метров и читал книгу. Иногда этот человек поворачивался в сторону Петра. Его лица было не видно, но молодого человека преследовало ощущение, что он с ним знаком.

— Кто это? Почему он здесь?

— Шаман. Смотрит и учится. Ты позже познакомишься с ним поближе.

Петр уставился на шамана, пытаясь разглядеть его лицо. Но его образ начал расплываться, тогда он повернулся к человеку в коричневом капюшоне, но того уже не было. Вскоре начали размываться и другие предметы в библиотечной комнате. И тут он четко услышал женский голос:

— Иди сюда, он очнулся.

Петр открыл глаза. Он лежал на больничной койке в палате, а на стульчике около него сидела девушка, которую он, кажется, где-то встречал. Через секунду он также увидел улыбающуюся физиономию Андрея.

— Друг, напугал же ты нас всех!